

«Я всегда был болельщиком Церкви...»

– Борис Викторович, Вам принадлежат слова, что «самые православные русские – это немцы»...

– Это шутка, но в ней есть доля правды. Понимаете, это очень просто объяснить психологически. Русскому не надо доказывать, что он русский и православный. С немцем сложнее. И если уж немец становится православным, то это не формально. Что касается моей семьи, то родители были лютеране и ходили в кирху – немецкую церковь апостола Петра на Невском, у Казанского Собора. Учили меня молиться: «Фатер унзер дер ду бист им химмель...» – это «Отче наш» на немецком. Мой отец, из поволжских немцев, работал в Ленинграде на «Скоророходе» техническим руководителем кожевенного завода. А поскольку немцы, руководители завода, были гугенотами, все служащие ходили в гугенотскую церковь. Меня тоже в ней крестили – так я стал гугенотом. Потом, после войны, когда я начал посещать службы, это очень меня выручало: у меня был заготовлен простой ответ на возможное негодование партийного начальства. Да, я хожу в православные храмы, но вы напрасно ко мне пристаёте: я же... гугенот! И они замолкали.

– Во времена атеизма Вы читали лекции об иконах?

Да, для студентов Физтеха. Это был целый цикл – десять лекций по два часа. Помню, тогда из Москвы в Долгопрудный приезжали люди с записывающими устройствами – не потому, конечно, что я такой умный, просто я говорил вещи, которые в те времена нельзя было услышать нигде. В этих лекциях не было ни одного слова, которое могло бы поколебать верующего человека. А руководители Физтеха мне потом сказали: «А Вы знаете, как мы отчитываемся в райкоме о Ваших лекциях? Мы их числим по разряду «антирелигиозная пропаганда»! И представляете, в райкоме их хвалили за хорошую постановку атеистической работы! На Физтехе были умные люди, они много смеялись, когда это рассказывали.

– В одном интервью Вы сказали, что всегда были «болельщиком Церкви»...

– Дело в том, что я всегда болел за слабую команду. А Церковь была именно в положении слабой команды, ее все время били, преследовали и ругали. А что ее ругать – она хорошая организация! На приемах в Кремлевском Дворце в главном зале сидели партийные боссы, а в комнату поменьше отправляли людей «второго сорта» – епископов и Патриарха. К ним никто не подходил, зато иностранные гости могли видеть, что в СССР с религией все в порядке. Меня это как-то угнетало, и я демонстративно подходил и беседовал, мне было интересно. Иногда я даже выступал. Когда в Троице-Сергиевой лавре отмечалось трехсотлетие Духовной академии, меня попросили сказать какие-то слова. Я договорился с вице-президентом Академии наук Е.П. Велиховым, что не просто выступлю от себя, но буду поздравлять Церковь от Академии наук. И я такую речь сказал, и она была напечатана в Журнале Московской Патриархии. Мне довелось познакомиться с Патриархом Пименом, и я бывал у него в келье в Новодевичьем монастыре. Конечно, в те годы меня во многом спасало то, что я работал не по общественным наукам.

– А почему Вас заинтересовали иконы? В советское время считалось, что иконы – это для старушек...

– Насчет старушек, это, конечно, ерунда. Дело в том, что в Православной Церкви икона – это существенная часть богослужения. У католиков иначе, у них икона служит только иллюстрацией к Священному Писанию. Поэтому католические иконописцы пишут Богоматерь с любой красивой женщины. Все их Мадонны – красавицы. А православные иконы похожи друг на друга, потому что восходят к первообразу – к Самой Божьей Матери. И древние иконы у нас ценятся не потому, что они старые, а потому, что они ближе к подлиннику – Первообразу. Поначалу иконопись заинтересовала меня с математической точки зрения, а потом пришла и богословская линия. Начал я с того, что на иконах простран-

ство изображается «неправильно». Мне показалось это странным. И я понял, что его всегда изображали правильно! Искусствоведы учили, что изобразительное искусство развивалось постепенно – раньше, мол, «не умели», рисовали наивно, неправильно, а в эпоху Возрождения все поняли, и молодцы. Ничего глупее нельзя придумать! Иконописцев, в отличие от художников Возрождения, не интересовало естественное восприятие. Их мало интересовало и пространство, их интересовал святой. Изображение было нужно для молитвы, с его помощью обращались к Первообразу. Поэтому святой помещался на передний план – на обрезе рамы, как бы мы сейчас сказали. Перед ним уже никакого пространства, только сам молящийся. В Ренессансе пространство уже появилось: художники стали втаскивать наивный реализм туда, где ему совсем не было места. На самом деле на иконах не полагалось писать ничего, кроме золотого фона, передающего святость. Кроме того, на иконах святой изображается не по состоянию на земле, а в состоянии обожженной плоти. После Второго пришествия у нас у всех будет обожженная плоть. И реализм тут действительно ни к чему. Отсюда все так называемые странности русской иконописи.

– Вы много писали об иконах «Успение» и о «Троице» Рублева...

– Я действительно не равнодушен к иконе «Успение». Пожалуй, это моя самая любимая икона, и если бы мне предложили выбрать из всех икон одну, я бы выбрал «Успение». Конечно, в древнерусском стиле, а не в стиле какого-нибудь Дюрера. Его «Успение» – это кошмар с церковной точки зрения. Да, Дюрер был первоклассный художник, но ему не дано было писать так, как русские иконописцы школы Рублева и Феофана Грека...

«Успение» – это икона, которой необходимо по сюжету изображение как нашего мира, так и потустороннего. Вот, например, «Рождество» – это только наш мир, а «Сошествие во ад» – только потусторонний. А чтоб и то, и другое на одной иконе – это «Успение». И посмотрите, как великолепно иконописцы решили эту проблему! Они, великие мастера, проявили, я бы сказал, невероятную ученость и, не зная современной математики, интуитивно все сделали совершенно правильно.

Что касается Рублева, то это гениальнейший иконописец, а его «Троица» – вершина иконописи. Я специально смотрел все дорублевские иконы на этот сюжет и установил, что не было постепенного нарастания – это был скачек, нечто взрывоподобное. После Рублева все стали повторять его «Троицу». Поскольку это был предел совершенства, все последующие повторения стали хуже. На своей иконе Рублев гениально воплотил догмат Церкви о единосущной и нераздельной «Троице». Три ангела изображены совершенно однотипно, что передает их единосущность, а жертвенная чаша на престоле символизирует нераздельность. На иконе мы видим также гору, дерево и строение, которые передают, соответственно, Святость, Живоначалность и Божие Домостроительство.

– А чем догмат о Троице мог заинтересовать математика?

– Это Вы о статье «Логика троичности»? меня интересовал чисто теоретический вопрос: может ли формальная логика допустить существование Троицы? Вроде бы это абсурд: один объект – и вдруг три объекта. Но, к своей радости, я обнаружил, что подобное в математике есть. Вектор! Он имеет три компонента, но он один. И если кого-то удивляет троичный догмат, то только потому, что он не знает математики. Три и один – это одно и то же! До сих пор не могу понять как отец Павел Флоренский, наш замечательный богослов, который к тому же окончил математический факультет, этого не заметил. Он пишет, что идея Троицы непостижима. Нет, Бог непостижим, а идея Троицы постижима, триединность – это свойство природы, она буквально пронизывает природу. Снова повторю, что я не вдавался в богословие, но мне удалось лишней раз показать, что Отцы Церкви были правы, когда осуждали ереси. А еще был случай, когда один наш известный математик сказал что-то неуважительное о богословии: дескать, какая глупость, что три – это одно. «А как же вектор?» – спросил я. Он был просто поражен: «Господи, я об этом не подумал!»

– В свое время очень нашумела Ваша статья в «Коммунисте» – статья, которая прорвала завесу молчания, окружавшую Церковь...

– Да, это было в 1987 году. Мне позвонили и попросили откликнуться на программу СОИ Рейгана. Тогда это было модно. Я сказал: чушь, не о том думаете. Наступает празднование тысячелетия Крещения Руси – вот о чем надо писать! На том конце провода помолчали и говорят: «Вы что, серьезно можете написать?» – «Могу». Дело в том, что наши атеисты предлагали им свои статьи, но в «Коммунисте» уже не хотели печатать этот бред. А я как раз за два года до того много читал о Древней Руси. И вот я приехал и рассказал им, что собираюсь написать. Они сказали: годится! Я сел и написал буквально за несколько дней, от руки, с пометками. Они перепечатали, причесали и пустили вне очереди. Это был страшный скандал! Первая неатеистическая публикация, причем где – в «Коммунисте»! Было возмущение, были звонки: да как вы могли, и тому подобное. А в журнале им отвечали: «Если вы не согласны – напишите, мы напечатаем». Но никто ничего так и не написал... Напротив, после той статьи начали появляться сочувственные публикации о Церкви. А я как-то сразу выдвинулся в специалисты по Крещению. Мне даже довелось прочитать доклад о Крещении Руси на сессии ЮНЕСКО в Париже.

– Но Вы не только писали о Крещении, но и строили космические аппараты. Один интерес не мешал другому?

– А почему он должен был мешать? Это в глупых книгах писали, что «наши космонавты туда летали и никакого Бога не видели». Такая постановка вопроса показывает прямо-таки дубовую неграмотность наших писателей-атеистов. Вот Ньютон был верующим человеком, но, обратите внимание, когда он строил Солнечную систему, он никуда не поместил Бога. Бог пребывает в мистическом пространстве, а не в нашем, и это прекрасно понимали такие люди как Ньютон. Космонавты Его не встречали, но они и не должны были Его встречать. Когда говорят, «иже еси на небесех», это не означает, что Бог находится в 126 км от поверхности Земли.

– В своей последней книге Вы писали, что приняли православное крещение, но не считаете это изменой Богу, потому что Бог – един...

– В 1997 году я, действительно, крестился. Это было после неудачной операции, когда я уже совсем засобирался на тот свет. Священник, который пришел ко мне, долго выяснял, кто я. Почему-то он думал, что я католик, тогда было бы проще, но когда он узнал, что я гугенот, он схватился за голову. И меня крестили полным чином, как язычника. Все же я думаю, что я был христианином и остался христианином. Только я стал православным. Религия иррациональна по своей природе, но я считаю, что если хочешь принимать какое-то участие в религиозной жизни, нужно принадлежать к доминирующей в стране конфессии. Мне кажется, раз я живу в России, я не могу быть отрезан от Православной Церкви. А крещенный на немецкий лад, я был невольно от нее отрезан.

– Еще Вы писали, что пережили клиническую смерть...

– Да, это было в феврале 1997 года, после операции. Врачи сказали: этой ночи не переживу. Дочери и зять пришли все вместе, хотя до этого они дежурили по очереди. Я действительно умирал... Убедился ли я в существовании души? В каком-то смысле да, но, понимаете, я ведь и раньше не сомневался. Первое, что я установил, так сказать, экспериментально – умирать не страшно, и даже, я бы сказал... приятно. Уже потом я прочитал книгу Моуди. Там был один случай, очень похожий на мой. Я видел коридор, видел в конце его свет. И я двигался по этому коридору, это было неприятно – знаете, как бывает на стадионе, когда идешь в толпе. Потом я шел один, по сводчатому коридору, и этот коридор выходил на луг. Я знал, что если я выйду на этот прекрасный луг – это все, я умру, там другой мир. У меня был выбор – луг или грязный, паршивый и заплыванный боковой коридор. И вот я стоял и выбирал. Впереди тишина, солнышко. Там приятно и хорошо. Но я

выбрал трущобы, то есть коридор. И постепенно вернулся к жизни. И у меня осталось ощущение, что я походил по тому свету и вернулся на этот – чтобы доиграть игру.

– Сейчас Вы бываете в церкви?

– После операции это стало сложнее, и теперь, когда я бываю на службе и причащаюсь, в храме я сижу. Раньше всегда стоял, а теперь уже не могу. Впрочем, я не думаю, что это так уж важно – сидеть или стоять. Святитель Филарет на вопрос, можно ли больному ногами человеку сидеть, ответил так: «Пусть лучше сидит, но думает о Боге, чем стоит и думает о ногах». В своей жизни я бывал и в протестантских храмах, и в католических храмах. Православное богослужение, конечно, наиболее впечатляющее. Недаром послы святого Владимира, впервые посетив византийский храм, «были как бы на небе». Православная религия более высокая, огромная, торжественная, золоченая. Протестантизм другой, он сформировался как протест против изъянов католичества. Во времена антипапских выступлений движение за простоту в богослужении, вероятно, имел смысл. Но вообще-то красота в богослужении должна быть. В Православной Церкви она присутствует, как ни в какой другой.

– В наше время Православной Церкви нелегко, появилась проблема сект...

– Понимаете, секты были всегда. Сейчас плохо то, что в школах не преподают Закон Божий. Когда раньше дети получали основы православной веры в школе, сектантам, чтобы пробить свои учения, нужно было разрушать. А сейчас им легко работать, ничего разрушать не нужно. И вот они выдвинули какую-нибудь паршивую идею, и она начинает расти. Веру нужно воспитывать с детства, ведь религиозно одаренных людей только 15 процентов. Остальных нужно учить. И если эти люди вырастают в государстве, где вера считается делом достойным, где все ходят в церковь, они тоже ходят.

– Во времена демократии с этим, кажется, стало легче?

– Наверное. Но видите ли, я вообще не очень-то люблю демократию. Все самые крупные преступления были совершены демократами. Например, Сократ был присужден к смерти по самой демократичной схеме – после всенародного обсуждения путем плебисцита. Что можно придумать демократичнее? Если посмотреть на самые гнусные смертоубийства в мировой истории, то, я думаю, в большинстве случаев вину за них несут не деспоты, а демократы. Это свойство демократии – реагировать на крики. Все очень демократично, люди собираются и начинают орать. А потом оказывается: что кричали? зачем кричали? Демократический вандализм присутствовал и в нашей революции, когда матросы собирались и решали мировые проблемы. Я не знаю идеального государственного устройства, но по ряду соображений монархия лучше всего. Монарх заботится о стране, потому что собирается передать ее наследнику. Он не может ее разорить. А президенту плевать. Он думает: следующий за мной придет, вот пусть и разбирается...

– Что ещестораживает Вас в современной жизни?

– Воровство. У нас царство воров. Воруют начальники, подчиненные. Когда я бываю за границей и спрашиваю о впечатлениях о нашей стране, мне говорят, что такого воровства нет даже в Латинской Америке. Любого чиновника можно купить, единственное, что они в два раза дороже, чем в Европе. Это мнение о нашей богоспасаемой Отчизне. В современной жизни вообще много перекосов: например то, что на смене Идее с большой буквы пришла «идея» заработать. Чтение газет и повышенное внимание к телевизионным новостям – тоже перекося. Дело в том, что стоящие новости занимают очень маленький процент от новостей вообще. Было бы лучше, если бы мы читали поменьше газет и больше читали серьезную литературу – не обязательно научную, даже художественную. И еще компьютеры, которыми сейчас увлекаются дети. С одной стороны, это вроде бы хорошо, они быстрее вживаются в нашу компьютеризированную реальность. С другой стороны, вместо представлений о порядочности и приличном поведении вводятся численные оценки. Но

человек живет не только одной рациональной частью головы! Когда все заменяют компьютеры, это может быть плохо и даже опасно.

– Кто из русских святых Вам наиболее близок?

– Преподобный Сергей Радонежский, установивший на Руси праздник Троицы. С моей точки зрения, он величайший русский святой. И я считаю так не потому, что он, можно сказать, мой «домашний святой» (от моего дома можно пешком дойти до его обители). Просто Сергей – это редкое совпадение святости и четкой практической работы в политике. Другого подобного примера я не знаю. Святость требует отречения от всего, и Сергей с этого начал – поселился в лесу один, подружился с медведем... А потом, он фактически стал идейным руководителем и неофициальным главой Руси. Как он умудрился это делать – непостижимо, но это факт. Видно это из того, что все князья подчинялись ему. Сергей Радонежский мирил князей, когда начинались распри: приходил и укрощал. Он стал непререкаемым авторитетом, человек, которому все одинаково доверяли. А ведь это было почти невозможно в средние века. Подумайте, его слушались все враждующие княжеские партии! Сергей был человек потрясающей воли и обладал полной, идеальной святостью. Борис Викторович, сейчас многие в России верят в различные оккультные доктрины, в «Бога вообще». Как Вы думаете, у нас есть шанс вернуться к отеческой вере?

– Безусловно, в том, что люди верят во что попало, хорошего нет. Но то, что произошло у нас, вполне понятно. Так и со стаканом воды – если его встряхнуть, взболтать, грязь со дна поднимется наверх. Потом грязь осядет, и вода очистится! Я думаю, должно пройти некоторое время – может быть, поколение должно смениться. Много, конечно, зависит от Церкви. Но, в конце концов, православие у нас тысячу лет, и такие вещи за год, за два и даже за семьдесят не меняются. В нас есть некая внелогическая величина, которая остается постоянной. И это дает мне основание считать, что не все потеряно. Думаю, русские люди будут возвращаться к православию. Сейчас нам очень нужен Сергей... Я давно говорил, что России нужен преподобный Сергей, человек его масштаба. Жаль, что история не повторяется...

Записал Д. БАСОВ